

«ЖИВЕЕ НЕКУДА»...

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС И ЕЕ СОЗДАТЕЛЬ

Когда несколько лет назад в газетах появилось сообщение о том, что некий американец выпустил книгу, в которой пытался доказать, что автором прославленной «Алисы в Стране чудес» был вовсе не Льюис Кэрролл, а — ни мало ни много! — сама королева Виктория, москвичи заволновались. Почему-то все восприняли это известие очень лично. Меня останавливали в университетских коридорах, допрашивали на переменах в буфете, звонили друзья... Казалось бы, что москвичам «Алиса» и английская королева? Но в том-то и особенность этой книжки, что она никого не оставляет равнодушным и что у каждого есть относительно нее собственная любимая теория.

«Феномен Кэрролла» — так можно было бы назвать ту загадку, которая снова и снова привлекает внимание исследователей и читателей, а также чудаков и эксцентриков, которых, оказывается, немало и в наших северных широтах. Как случилось, спрашивают они себя, что скромный ученый из Оксфорда, известный своей респектабельностью и консерватизмом, написал столь искрометную книжку, которая вот уже более столетия завораживает читателей? О чем она, собственно, эта книга? Что в ней кроется? А может, и вправду автор ее совсем не Кэрролл? Уж очень не вяжется книга с личностью автора. Так возникают многочисленные мифы об Алисе и ее создателе, которые с интересом подхватываются у нас. «Алису» написал совсем не Кэрролл, а... Марк Твен! «Алиса» — вовсе не детская сказка, а... закодированная шахматная задача нетривиального типа! «Алиса» — иносказание, в котором автор рассказывает о религиозной борьбе в Англии середины XIX века! Вы обратили внимание на то, что имена двух девочек, о которых вспоминает падающая в колодец Алиса, складываются, если их написать подряд, в имена двух библейских персонажей? Не обратили?!

Помилуйте, ведь это очевидно!! Ада и Мейбл — т.е., извините, Ada и Mabel. Теперь напишите их рядом, сдвиньтесь вправо на одну букву и снова разделите — что у вас получилось? Ага, Adam и Abel, т.е. Адам и Авель! Вот именно!! В этом, конечно, кроется особый смысл!

Можно было бы привести десятки подобных догадок и построений. Трудно сказать, насколько серьезно они выдвигаются: ведь англичане очень любят мистификации, всевозможные литературные розыгрыши и игру, а за ними этой болезнью заразились в других странах и прочие, казалось бы, серьезные люди. Некоторые из этих безумных теорий были даже опубликованы — скажем, в солидном сборнике «Аспекты «Алисы»¹, вышедшем в Лондоне в 1972 г., или в журнале «Джабберуоки»², издаваемом Обществом Льюиса Кэрролла в Англии. Не будем перечислять все эти публикации. Скажем только, что сама возможность — чуть ли не неизбежность! — возникновения этих теорий кроется в самой природе небольшой книжки об Алисе и в личности ее автора. Они словно создают вокруг «Алисы» некое таинственное поле, притягивающее и почитателей и толкователей.

Чарлз Лютвидж³ Доджсон («ж» не произносится, о чем он не уставал предупреждать новых знакомых и корреспондентов) — таково подлинное имя писателя, известного нам под псевдонимом Льюис Кэрролл. Он родился 27 января 1832 г. (год смерти Вальтера Скотта, Гёте, Бентама) в деревушке Дарсбери⁴, в одном из тихих сельских графств Англии — Чeshire, которое позже прославит, назвав одного из персонажей своей сказки Чеширским котом. Чарлз был старшим сыном (и третьим из одиннадцати детей) приходского священника Чарлза Доджсона

¹ Aspects of *Alice*. Lewis Carroll's Dreamchild as Seen through the Critics' Looking-Glasses. 1865–1971 / Ed. by Robert Phillips. London, 1972.

² Jabberwocky. The Journal of the Lewis Carroll Society (founded in 1969). В настоящее время 'Jabberwocky' заменил 'Lewis Carroll Review. The Reviewing Journal of the Lewis Carroll', а также 'Bandersnatch. The Newsletter of the Lewis Carroll Society'.

³ В Чeshire, на родине Кэрролла, как я теперь имела возможность убедиться лично, фамилия его матери, так же как и его «среднее» имя, произносится «Латвидж» (в русской традиции «Лютвидж»).

⁴ Точно так же название деревни, где родился Кэрролл, произносится «Дарсбери» (в русской традиции «Дэрсбери» или «Дарисбери»).

и Франсис Джейн Лютвидж. Оба вели свой род из старинных семейств, связанных между собой приятельством и родственными узами, оба принадлежали к так называемой Высокой Англиканской церкви, тяготевшей в известных вопросах к католичеству.

Это было тревожное время: в Европе («на континенте», как говорили англичане) гремели революции, в Англии шла борьба за парламентскую реформу. В самый год рождения писателя в Англии был принят первый Билль о реформе, однако до широкого демократического представительства в парламенте было еще далеко. В Британской империи наконец было официально отменено рабство (при этом рабовладельцам в колониях выплатили 29 миллионов фунтов «компенсации»). Чарлзу было два года, когда парламент принял печально прославленный новый Закон о бедных, учреждавший «рабочие дома», которых бедняки страшились пуще смерти. Когда Чарлзу исполнилось пять лет, на престол вступила юная королева Виктория (она умерла в 1901 г., три года спустя после смерти самого писателя), по имени которой весь этот период английской истории зовется викторианским. В том же 1837 г. двадцатипятилетний Диккенс начал печатать «Оливера Твиста», где оставил нам впечатляющие картины жизни бедняков и средних классов. Социальные волнения и бури доходили до чеширской деревни отдаленными отзвуками. Впрочем, отец Чарлза посвящал немало времени беднякам своего прихода, в особенности тем, кто работал на баржах, ходивших по каналу, прорезавшему приход. Это внимание к беднякам унаследует от него и будущий писатель.

Чарлз Доджсон-старший (1800—1868) был человеком незаурядным. Он получил серьезное образование, изучал богословие, классические языки и математику в оксфордском Крайст Чёрч (собор и колледж Христовой церкви), где проведет потом всю свою взрослую жизнь его сын. Университет он окончил с двойным отличием, по классическим языкам и математике; его сын, уже получив солидное положение в Крайст Чёрч, не раз обсуждал с ним сложные математические задачи. Но, конечно, большую часть своего времени Чарлз Доджсон-старший уделял богословию: он был одним из признанных вождей Высокой церкви и опубликовал ряд работ, вызвавших в свое время бурные споры («Полемика о вере», 1850; «Вера и обряд», 1852 и пр.). С годами труды его были замечены, он оставил приход в Дарсбери, где провел около шестнадцати лет, и был назначен капелланом епископа Рипонского, а затем архидиаконом Рич-

мондским и настоятелем Рипонского собора. И все же любовь к математике он сохранил до конца своих дней. Будущий писатель многим обязан отцу: и глубокой религиозностью, и интересом к богословским проблемам, и математическими способностями, и особой склонностью к эксцентричности, которой не был чужд и отец.

Когда Чарлзу исполнилось одиннадцать лет, отец получил новый большой приход в графстве Йоркшир, и все семейство переехало в деревню Крофт. Огромный сад, окружавший просторный пасторский дом, был отдан в распоряжение детей. Здесь они играли во всевозможные игры, придуманные Чарлзом. Была тут и «железная дорога», которую соорудил он сам и для которой написал «правила». Одно из них гласило: «В случае, если поезд сойдет с рельс, пассажиров просят не вскакивать, а лежать до тех пор, пока их не поднимут. Необходимо, чтобы по ним прошло не менее трех составов, а то врачам и санитарам нечего будет с ними делать». Был тут и театр марионеток, сооруженный Чарлзом с помощью деревенского плотника и некоторых членов семьи, для которого он написал несколько шуточных пьес. В сарае, прятавшемся в углу сада, нередко давались представления «факира и фокусника» — им был все тот же Чарлз. Эти детские игры позже найдут свое отражение в сказках об Алисе, где появится и странный поезд, и герои английского кукольного театра Панч и Джуди, и многое другое.

Первоначально Чарлз учился дома; до двенадцати лет его наставником был отец, превосходно подготовивший его и по математике, и по латыни. Затем мальчика отправили в школу — сначала в Ричмонд, потом в знаменитый Регби. Это была закрытая школа-пансионат, одна из так называемых публичных школ, которые предназначались совсем не для детей широкой публики. Доктор Арнолд, прославленный проповедник, возглавлявший школу на протяжении ряда лет, умер за три года до поступления Чарлза, но дух его еще витал в Регби. На первом месте в школе стояла христианская мораль и нравственность, за ними следовало джентльменское поведение и лишь затем — интеллектуальные достижения. Среди шести опаснейших грехов назывались плотская распущенность и склонность к дурному обществу. Доктор Арнолд, бывало, сам читал воскресные проповеди ученикам — позже они были изданы, и Чарлз, разумеется, ознакомился с ними. По словам Мортон Коэна, современного биографа Кэрролла, Чарлз по какому-то странному капризу судьбы стал своеобразным восприимчиком доктора Ар-

нолда¹. Конечно, основы были заложены еще в пасторском доме в Дарсбери, а позже в Крофте, с их обязательными молитвами трижды в день, участием в церковных службах и пр. До конца своих дней Чарлз твердо верил в то, что жизнь есть не прекращающаяся ни на час борьба с Дьяволом и что выиграть ее можно лишь с помощью неустанной бдительности, воли и неукоснительной строгости, в первую очередь к самому себе, упорного труда и постоянного — в молитвах и мыслях — общения с Богом. Этим принципам Кэрролл остался верен на протяжении всей своей жизни. Свидетельства тому — девять сохранившихся томов его дневника (четыре были потеряны после его смерти родными, не отдававшими себе отчета в том, какое сокровище досталось им в наследство), его многочисленные письма, воспоминания родных и друзей, в том числе тех, кто дружил с ним в детстве и юности, и, конечно, его произведения.

Учение давалось Чарлзу легко. Особых успехов он достиг в математике и древних языках. Однако в латинском стихосложении, занимавшем немалое место в школьной программе, он порой выказывал пренебрежение общепринятыми правилами, вводя свои «исправления», которые, как отмечали его преподаватели, были всегда логически оправданны. «С удивительным хитроумием он подменяет обычные, описанные в грамматиках окончания существительных и глаголов более точными аналогиями или более удобными формами собственного сочинения», — отмечал в своем отзыве о четырнадцатилетнем Чарлзе его наставник мистер Тейт. Уже в эти годы в будущем писателе пробудился интерес к слову и к тем логическим, «выравнивающим» тенденциям в языке, которыми будет впоследствии отмечено его творчество.

Последующая жизнь Чарлза Лютвиджа Доджсона связана с Крайст Чёрч. Он окончил университетский курс с отличием по математике; вскоре ему был предложен пост «стипендиата» в Крайст Чёрч. Стипендиатами в те годы называли членов колледжа, получавших скромную пожизненную «стипендию», т.е. содержание, позволявшее им заниматься богословием или наукой (порой, как это было с Доджсоном, и тем и другим) в стенах Крайст Чёрч. При этом им предоставлялась квартира,

---

¹ *Cohen, Morton N. Lewis Carroll and Victorian Morality. — Sexuality and Victorian Literature / Ed. by Don Richard Cox. Tennessee Studies in Literature. Vol. 27. The University of Tennessee Press. Rnoxville, 1984. P. 10.*

право пользования библиотекой и пр.; при желании они могли пополнять свои доходы чтением лекций. Согласно действовавшему в те годы университетскому уставу, стипендиат принимал духовное звание и давал обет безбрачия. Доджсон не сразу принял решение — ему предшествовали долгие раздумья, беседы с отцом и епископом Оксфордским Сэмюэлем Уилберфорсом¹. Дело в том, что, хотя он принадлежал к Высокой церкви, уже и в те ранние годы он не мог полностью принять ее доктрины. Он склонен был трактовать ее свободнее: чувствовал, что не может принять идеи «вечного проклятия» (уже в зрелые годы он написал на эту тему специальную работу, где отвергал идею вечного проклятия с помощью логических доказательств). Смушал его и запрет на посещение театра и занятия фотографией, на котором настаивали многие иереи (он был страстным театралом и прекрасным фотографом-любителем). Наконец, в декабре 1861 г., после подробных бесед с епископом Оксфордским Сэмюэлем Уилберфорсом, заверившим его, что этот запрет относится лишь к священникам и что он волен будет впоследствии не принимать сана священника, если не пожелает, Доджсон был рукоположен в дьяконы, что являлось лишь первым, промежуточным звеном. (Дьякон, или младший священник, мог при желании читать проповеди, помогать во время службы, но не вел работы в приходе.) Изменение университетского устава в 1866 г. избавило Доджсона от необходимости дальнейших решений. Он участвовал во всех ученых и церковных делах Крайст Чёрч; проповеди читал редко и предпочтительно детям; впрочем, известно, что на его редкие проповеди собиралось так много людей, что просторный храм Крайст Чёрч с трудом вмещал всех желающих.

Доджсон посвятил себя математике. Долгое время считалось, что он был весьма посредственным математиком. Однако в последние годы это мнение подверглось пересмотру. Вот что говорит об этом американский математик, профессор Франсин Эйбелиз, подготовившая к изданию том его математических работ: «Работая над математическими статьями Кэрролла, я обнаружила, что, вопреки распространённому у нас мнению, он был серьезным и самобытным математиком. Однако ему не повезло. Для своих студентов он написал книгу — «Эвклид

¹ Сэмюэл Уилберфорс (1805–1873) — известный богослов и проповедник; был хорошо знаком с отцом Кэрролла — оба занимали видное место в Высокой церкви — и самим Кэрроллом.

и его современные соперники», — которая приобрела печальную известность. Но судить о нем как о математике надо не по этой книге, а по его оригинальным трудам, где он рассматривал проблемы, которые его действительно интересовали. Такова работа о квадратуре круга, где он предлагает очень интересный тригонометрический способ рассмотрения этой задачи, причем делает это в эпоху, когда никто и не помышлял о компьютерах. В целом надо сказать, что он подошел вплотную к трудам, подготовившим появление компьютеров. Его методы всегда *computer-friendly*, т.е. позволяют легко написать алгоритм, который можно использовать в компьютере. Это особенно хорошо видно на сохранившихся страницах его заметок «Регистрация корреспонденции», которую он предлагал опубликовать как приложение к своей работе «Восемь или девять слов о том, как писать письма». Но, конечно, он был в первую очередь логиком, что чувствуется и в его литературных сочинениях. «Логические игры», «Математические курьезы», «Символическая логика», вышедшие в последние годы его жизни, привлекают пристальное внимание современных логиков, математиков и физиков, считающих, что «сумасшедшая» логика Кэрролла во многом напоминает диалектическую логику современного научного исследования, подчас столь причудливую, что она кажется непостижимой и столь противоречивой, что способна повергнуть в отчаяние не только человека, далекого от науки, но и самого исследователя»¹. Профессиональные логики, посвятившие немало работ логическим трудам Доджсона, отмечают, что он работал в той области, которая подготовила появление современной математической логики². Для нас здесь важно отметить, что литературные произведения Кэрролла несут несомненный отпечаток его нетривиальных занятий логикой.

---

¹ Интервью, данное Франсин Эйбелиз (Francine Abeles) автору этой статьи в Лондоне 16 августа 1991 г. Более подробно Ф. Эйбелиз излагает эту точку зрения в своем вступлении к подготовленному ею тому математических трудов Кэрролла (*The Mathematical Pamphlets of Charles Luthwidge Dodgson and Related Pieces. Compiled, with introductory essay, notes and annotations by Francine F. Abeles, v. 2, University of Virginia, Charlottesville and London, 1994*). См. также: *Seneta E. Lewis Carroll as a Probabilist and Mathematician. Mathematical Scientist. 1984. № 9. P. 79–94*. На с. 94 читатель найдет перечень работ на эти темы.

² Тульчинский Г.Л. О логическом учении Льюиса Кэрролла. — *Философские науки. 1979. № 3. С. 97–103*.

В Крайст Чёрч Доджсон вел строго упорядоченный образ жизни: математические занятия, лекции и семинары со студентами, прерываемые скромным ланчем — несколько глотков сухого хереса и печенье, чтобы не прерывать работы, — и снова занятия, дальние прогулки, которые он очень любил (уже в преклонном возрасте он проходил порой по 17–18 миль в день), обед за «высоким», т.е. преподавательским, столом, помещавшимся на возвышении в просторной столовой Крайст Чёрч, и снова занятия. Нередко он работал по четырнадцать часов в день. Помимо того что он был глух на одно ухо, он страдал заиканием; попытки прибегнуть к медицинской помощи, которые он предпринял уже во взрослые годы, так и не избавили его от этого недуга, которым страдали и некоторые его братья и сестры. У него было много знакомых, но, кроме членов семьи и детей, он ни к кому не обращался по имени. В Крайст Чёрч он слыл педантом, был известен многочисленными меморандумами и брошюрами, посвященными текущим университетским делам и баталиям; их он печатал за собственный счет и рассылал членам Совета, в котором состоял и сам. Он был ученым, джентльменом, чудачком — явление нередкое в английской университетской жизни. Его отличала независимость взглядов и поведения. Он, не задумываясь, отстаивал свои взгляды, хотя подчас рисковал навлечь на себя неудовольствие высоких лиц, и делал это со своей обычной настойчивостью. Конечно, английские университеты — до самого недавнего времени — способствовали развитию таких качеств. К тому же Доджсон никогда не руководствовался собственными интересами.

Показательна в этом отношении его переписка с Робертом Сесилом (1830–1903), третьим маркизом Солсбери, в течение ряда лет занимавшим пост премьер-министра, который также был выпускником Крайст Чёрч, интересовался математикой и богословием и порой публиковал свои работы в солидном журнале «Куотерли Ревью». В 1885–1887 гг. Доджсон написал премьер-министру ряд писем о бедственном положении жителей небольшого острова Тристан-да-Кунья, расположенного в южной части Атлантического океана, который принадлежал Британской короне. Доджсон знал об этом от своего брата Эдвина, который был священником на острове. После того как китобойные суда перестали заходить на остров, жители острова оказались на грани голода, сообщил Доджсон лорду Солсбери в начале декабря 1885 г. в своем первом письме. Он предлагал правительству рассмотреть вопрос о переселении жителей —

всего 100 человек — в Южную Африку или в Австралию и просил у премьера разрешения навестить его вместе с братом, приехавшим в Англию для поправки здоровья, чтобы обсудить этот вопрос подробнее. Он пишет премьеру спокойно и строго, как коллега. Солсбери отвечал учтиво, но уклончиво. В течение декабря Доджсон направил ему еще три (!) письма с дальнейшими соображениями по этому делу и снова просил об аудиенции. Наконец, 30 декабря премьер-министр принял братьев Доджсон в Министерстве иностранных дел, однако, если судить по записи в дневнике Чарлза, беседа была малообещающей. 4 января 1886 г. лорд Солсбери прислал ему через своего секретаря официальный ответ. Корабли, идущие в Австралию, писали секретарю, обычно на остров Тристан-да-Кунья не заходят, и менять курс их следования было бы дорого и опасно. Мысль о переселении жителей острова премьер-министр считал неприемлемой из-за «опасности создания прецедента, могущего повести к просьбам со стороны англичан и ирландцев о бесплатном перевозе через Атлантический океан». Далее Солсбери одно за другим отвергал и другие предложения братьев Доджсон.

Несмотря на неудачу, Чарлз Доджсон снова возвращается к этой проблеме год спустя. Он сообщает премьер-министру, что положение на острове Тристан-да-Кунья приняло бедственный характер. Одно из рыболовецких судов, которыми располагали жители, потерпело крушение — в результате на острове осталось всего одиннадцать работоспособных мужчин. Доджсон посылает лорду Солсбери список жителей острова и опись их имущества и спрашивает, кому следует переслать копии этих бумаг. Солсбери отвечал, что если скот островитян оценивается, как сообщает ему Доджсон, в 10 тысяч фунтов стерлингов, то их переселение может быть осуществлено без помощи правительства, за их собственный счет. На этом Доджсону пришлось закрыть тему. В 1890 г. Эдвин Доджсон покинул остров по совету врачей. Все же благодаря вмешательству Доджсона жители острова получили со специально посланным кораблем кое-какую помощь и припасы.

В переписке Доджсона с Солсбери встает еще одна важная тема: на протяжении многих лет Доджсона волновала проблема «чистоты» проведения парламентских выборов и корректности (правильности) представительства в нем. Подходя к этому вопросу как математик, Доджсон задавался вопросом о том, как достигнуть максимально взвешенного представительства в парламенте. Полагая, что принятые правительством решения явля-

ются недостаточными, Доджсон выдвигал собственные предложения. Необходимыми условиями «чистоты» выборов он считал тайное голосование и принцип «пропорционального» представительства, к определению которого он подходил с позиций логики и математика. Все это он излагал премьеру лично, а впоследствии опубликовал в ряде статей и памфлетов («О чистоте выборов», «Парламентские выборы», «Принципы парламентского представительства»). Специалисты считают, что его соображения не потеряли актуальности и в наши дни¹. Как видим, вопросы общественной жизни и политики в одном из ее важных аспектов (парламентские выборы) занимали Доджсона/Кэрролла ничуть не меньше, чем наука и литература; он полагал, что с помощью строгих математических и логических методов возможно оптимизировать результаты выборов.

Доджсон любил детей. С ними он забывал о своем одиночестве и заикании; он водил их в театр, совершал с ними долгие прогулки, приглашал в гости, фотографировал (сейчас мы знаем, что он был одним из замечательных фотографов-любителей XIX столетия), развлекал играми и сказками собственного сочинения, платил, если возникала необходимость, за уроки французского, пения, рисования, а иногда и за визиты к зубному врачу, которые стоили немало. Он писал им письма.

Мой дорогой Бёрти!

Я был бы рад исполнить твою просьбу и написать тебе, но мне мешает несколько обстоятельств. Когда ты узнаешь, что это за обстоятельства, ты, думаю, поймешь, почему я никак не могу написать тебе письмо.

Во-первых, у меня нет чернил. Ты мне не веришь? Ах, если б ты знал, какие чернила были в мое время! (Во время битвы при Ватерлоо², когда я был простым солдатом.) Стоило лишь налить немножко чернил на бумагу, как они сами писали все, что нужно! А те, что стоят на моем столе, до того глупы, что, даже если начать слово, все равно не сумеют его закончить!

¹ Кэрролл Л. Точ(еч)ная динамика партийной болтовни. Пер., вступ. заметка и ст. Ю. М. Батурина. — История политической мысли и современность: Ежегодник. 1988. М.: Наука, 1988.

² Следует ли напоминать читателям, что битва при Ватерлоо происходила в июне 1815 г.?

Во-вторых, у меня нет времени. Ты мне не веришь? Ну, что ж, не верь! Ах, если бы ты знал, какое время было в мое время! (Во время битвы при Ватерлоо, когда я командовал полком.) В сутках тогда было 25 часов, а иногда 30 или даже 40!

В-третьих, — и это важнее всего — я совсем не люблю детей. Не знаю почему, но в одном я уверен: меня от них мутит, как других от кресла-качалки или от пудинга с изюмом. Ты мне не веришь? Я так и знал, что не поверишь. Ах, если бы ты знал, какие дети были в мое время! (Во время битвы при Ватерлоо, когда я командовал всей английской армией. Тогда меня звали герцог Веллингтон, но потом я решил, что носить такое длинное имя слишком хлопотно, и изменил его на «мистер Доджсон»...) Теперь ты и сам видишь, что написать тебе я никак не могу.

Одного этого письма достаточно, чтобы понять: Доджсон, вернее, Льюис Кэрролл, был мастером той веселой чепухи, которую англичане зовут нонсенсом. Подобных писем он написал огромное множество. Порой в них звучала ироническая нота, весьма близкая к сарказму.

Милая мисс Эдит Джебб!

Испросив у Ваших досточтимых родителей разрешение направить несколько строк в ту знаменательную пору, когда Вы совершенствуете свои познания в Уимблдоне¹, я берусь за перо в надежде, что Ваша достойнейшая наставница, прочитав это послание, не найдет в нем ничего предосудительного, что могло бы помешать Вам ознакомиться с его содержанием. Я глубоко убежден, что с моего пера не может, пусть даже случайно, сорваться ни одного замечания, способного хоть на миг возмутить плавное течение глубоких мыслей, которые Ваша превосходнейшая наставница, несомненно, стремится в вас пробудить. Путь ученичества тернист, и одоление его — мука (но не мука, ибо последнее слово имеет несколько иное значение), но я надеюсь, что для Вас он будет усыпан розами. Как приятно бродить, построившись парами, по тенистым аллеям Уимблдона и шептать

---

¹ В Уимблдоне находилась известная закрытая школа-пансион для девочек.